

18+ ДУХ ВРЕМЕНИ

ЕВГЕНИЙ КЛЕЙМЕНОВ

Евгений Юрьевич Клейменов

Дух времени. Роман

о становлении и взрослении

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72110950
ISBN 9785006735088*

Аннотация

Петька Бой. Хулиган. Прогульщик. Сын спившегося отца. Школа его боялась, учителя давно поставили крест. Но всё изменилось, когда он впервые взял в руки микрофон. Музыка стала его голосом, правдой, силой. Он зажигал толпу, пробуждал чувства, говорил честно – и потому был нужен. Но сцена не спасает от боли. «Дух времени» – пронзительный роман о таланте, боли и праве быть собой. Для тех, кто вырос раньше времени. И до сих пор не сдался. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Дух времени 1	5
Дух времени 2	11
Дух времени 3	14
Дух времени 4	28
Дух времени 5	40
Дух времени 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Дух времени Роман о становлении и взрослении

**Евгений Юрьевич
Клейменов**

Редактор Ксения Левонесова

Дизайнер обложки Полина Александровна Трунова

© Евгений Юрьевич Клейменов, 2025

© Полина Александровна Трунова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-3508-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дух времени 1

Я пытался стать счастливым, но что-то пошло не так. Моя история начиналась как путь хулигана, искавшего себя в музыке, а закончилась... Об этом вы узнаете сами.

В пятницу после школы я шел вдоль Коммунистического проспекта, который у нас называют Арбатом. Руки в карманах, прическа растрепанная, галстук съехал набок, рюкзак за спиной – типичный школьный хулиган. Меня привлекли громкие возгласы и смех шпаны за углом дома. И конечно, я сразу свернул туда – интересно ведь!

В подворотне, у стены дома, четверо обступили хлюпика – явно хотели «нагреть» его на деньги.

– Ты че, дудист? – сказал самый высокий и ткнул хлюпика в бок. Толпа заржала, как кони.

Я подошел ближе.

– Ты че молчишь? С тобой разговаривают! – подключился другой. Этого я знал, шестерка, таскает мне сигареты на переменах.

– Это, не дудка, я скрипач, – проямлил хлюпик, прижимая к себе футляр.

«Ну точно, сейчас разведут этого лоха!» – подумал я. До толпы оставалось не больше десятка шагов.

– Эй! – окликнул их. Они обернулись. Сейчас поймут, что платить хлюпики должны только мне.

– Че? – набычился тот высокий, раздув ноздри.

– «Чё» по-китайски – жопа! – не сбавляя шага, бросил я, подходя ближе.

А у этого длинного, хоть и с задержкой, но все же сработал инстинкт самосохранения. Но это его не спасло – я не оставиваясь пнул его в живот. Длинный согнулся, схватившись за место удара. Толпа даже не попыталась вступить за него.

– Ну что, щеглы? Сбросились мне по полтиннику, я сегодня добрый, сказал я.

– Это Петька Бой, быстрее доставайте деньги, – добавил шестерка.

Все послушно скинулись.

– Извини, брат, не признали, – оправдывался длинный.

– Смотрелись! – скомандовал я. Потом посмотрел на деньги – всего двести рублей. – Стоять! Кто еще полтинник не сдал?

Шпана сразу указала на музыканта.

– Спасибо, – сказал музыкант и поклонился. Видимо, решил, что я спасал его задницу.

– Что значит спасибо? Ты что, кинуть меня решил? – нависал я над ним.

– Но у меня нет... Я уже объяснял этим, у меня ничего нет...

– Тебе что, родители на карман не дают?

– Дают...

– Ну так не тормози, доставай быстрее. Мне что, здесь с тобой весь день торчать?

– Не дам, у меня нет! – Он настолько твердо ответил, что я ошалел.

– Да ты не музыкант, ты бессмертный. Ты что, не боишься меня?

– Боюсь! Но мой учитель говорит, что нужно всегда бороться за свое.

– С кем ты собрался бороться, слабак? Гони деньги!

– Нет, извини.

– Здесь нет твоего учителя. Тебя никто от меня не защитит. – музыкант огляделся. Не только учителя, здесь вообще уже никого не было, даже шпана смылась. Какой наивный! И на что он надеялся? – Да и вообще, что за учитель? Только не говори мне, что ты ходишь на бокс или еще что-то типа того... Не поверю.

– Учитель музыки.

Я рассмеялся во весь голос. Теперь понятно, почему те ржали как кони.

– Да ты не музыкант, а шут! – не мог я успокоиться.

– Ну, я пойду?

После этого я схватился за живот, кажется, даже слезы потекли от смеха. Он и вправду попытался уйти.

– Эй! Стой! – опомнился я и схватил его за плечо. Мне совсем не хотелось его бить, он даже стал нравиться мне. – Слушай, я тебя буду звать Шут.

Он ничего не ответил и пошел дальше.

— Куда так спешишь? С какой ты школы? Что-то лицо у тебя знакомое, я не угрожал тебе раньше? — спрашивал я, идя рядом с ним.

— Ты что, совсем невнимательный? Я же твой одноклассник, — с обидой сказал он.

— Да? Что-то я тебя совсем не помню.

— Иду в переход, играть.

— О-о-о... Я с тобой пойду!

В ответ он только кивнул.

Домой возвращаться мне не хотелось, там отец. Наверняка опять уткнулся в телевизор с бутылкой пива.

Шут шел быстро, и ему приходилось постоянно притормаживать, коситься на меня, ожидая, но поторопить он меня не решался. Ужас! Что у него за неуверенная походка? Прямо как у зайца, который в страхе перебегает от куста к кусту. Лучше бы учитель музыки научил его нормально ходить.

Мы дошли до перехода, Шут встал у входа и достал скрипку. Я ухмыльнулся.

Шут пикинул пару раз и заиграл незнакомую мне классическую музыку. Я оперся о стену и закурил. Мне нравился звук. Как-то я случайно слушал подобную музыку, она и вправду хороша, даже без ритмичных басов.

Прохожие шли мимо и бросали копейки в футляр, а Шут продолжал играть. Кажется, он никого не замечал, будто стоял один и наслаждался игрой. Что-то меня самого взбесило

то, насколько сентиментальное настроение у меня возникло. Поэтому я дернул Шута.

– Слышь... Сыграй, что-нибудь современное! А то народ скучает!

Он послушно кивнул и начал наигрывать знакомую мне мелодию. Вроде бы что-то из новинок, попса или хип-хоп. Мне вообще было без разницы, что слушать, я любил музыку разных жанров.

Люди стали останавливаться, чтобы дослушать мелодию, и бросали даже полтинники.

Он закончил играть, несколько человек похлопали и пошли по своим делам. Шут поклонился, пересчитал заработанное, положил скрипку в футляр и протянул половину суммы мне.

– Это что? – удивился я.

Я, конечно, собирался отжать у него деньги, но как-то забыл, что ли... Не знаю, со мной впервые так.

– Это ведь ты заработал, – пробормотал я, сам не веря собственным словам.

– Это твоя доля. Если бы ты пел или играл, то было бы больше. А теперь мне пора.

Я взял деньги. Так и оставшись стоять, глядя, как Шут уходит своей заячьей походкой. Опомнившись, я пересчитал деньги. Триста рублей. И этот хлюпик рисковал своей физиономией ради полтинника? А мне так легко отдал долю за то, что я просто стоял с ним? Этого я не мог понять. Но еще

меньше, я не мог понять себя: почему я так смутился, когда он протянул мне деньги?

Дух времени 2

Прошли выходные. В школе, на уроке химии, я увидел этого Шута. Не соврал, и вправду учится со мной. Но что с того? Какое мне дело? Я сидел и смотрел на него, задумавшись, пока меня не толкнул в бок Колька.

– Ты чего на него уставился? Влюбился, что ли? – заржал он.

– Ты офонарел?! – прописал я ему в сушку. Он заткнулся, обиделся. Но класс уже уставился на нас. – Что смотрите?!

– Петр! Не срывайте урок! – возмутилась химичка.

– Больно надо, – фыркнул я.

Заметив, что Шут тоже смотрит на меня, я взглянул ему в глаза, и он как-то осуждающе отвел взгляд в сторону. Мне на секунду стало стыдно, и тут же – я разозлился. Что за фигня? Какое мне дело до того, осуждает меня Шут или нет? Я постоянно с Колькой срывал уроки, и с чего бы мне сейчас смущаться? Да что происходит-то?!

– Давай его нахлобучим? Он ведь нам долю не отстегивает, – прошептал мне Колька, указывая на Шута.

Я ничего не ответил. Так и просидел в своих размышлениях, не обращая внимания на урок.

Прозвучал звонок на перемену, Колька подлетел к Шуту, приобнял его и, что-то нашептывая на ухо, так вывел из кабинета.

Все! Напряг начался. Теперь должен подключиться я, и вместе мы дождем его в туалете. По привычке я пошел за ними и встал в проходе, подпирая дверь в туалете, чтобы никто не вошел.

Колька уже начал беситься. Походу Шут не прогибался.

– Петька, представь, этот упырь не хочет делиться. Он сказал, что не уважает тебя! – Колька подошел ко мне и сменил на посту. Теперь моя очередь дожимать Шута.

– Ты меня не уважаешь? – спросил я и остановился. Шут смотрел так же, как и в пятницу. «Вот в чем дело. Вот почему тогда я не решился требовать от него денег. Все дело в его взгляде»: подумал я.

– Я такого не говорил, – ответил он.

Краем глаза увидел, как Колька уже потирал руки. Здесь я должен вступить за него и сказать, что Шут наговаривает на моего друга – и дело в шляпе, расписали по понятиям. Но я медлил.

– Ты что такой дерзкий? А?! – набычился Колька, видя, что я торможу.

Он подошел к музыканту и уже собирался его ударить в живот. Мне нужно было срочно что-то делать! Но я медлил.

И вот удар! Колька упал на пол, схватившись за челюсть. Я ошарашенно смотрел на музыканта, он на меня. Зачем я уложил Кольку?

– Ты чего? Ты ведь сам предложил! – начал возмущать-

ся он.

– Заткнись! – перебил я его. Не хотелось, чтобы музыкант думал, что я за него вступился. – А ты вали отсюда, Шут! – прикрикнул на него.

Он порицающе посмотрел на меня, но ничего не сказал и вышел. Я помог Кольке подняться.

– Что это было? Больно, блин!

– Не трогай его, – отрезал я.

– Да ну тебя! – Колька психанул и выбежал из туалета.

Я закурил у окна. Выпуская дым в форточку, думал о том, что сейчас произошло. Но фоном в памяти играла музыка Шута.

Дух времени 3

Я лежал дома. Ночную тишину нарушала музыка из модных наушников. Большие такие, с жесткими басами, не подделка какая-нибудь из Китая, а настоящие – дорогие оригиналы.

«Не спи! Терпи! Борись!» – повторял себе. Не люблю засыпать. Это доказательство моей беспомощности, новый день, в котором я ничего не добился. А во сне выходила вся правда наружу, я никто, я слабак, который даже не мог никому втащить. Руки не слушались, ноги не двигались, я был беспомощной игрушкой для битья. Но через пару часов глаза слипались, я не мог вечно бодрствовать. Сон всегда оставался победителем, а я – проигравшим.

Утром еле встал под ужасный звон будильника. Наушники лежали рядом, и в них играла музыка. Опять не справился, заснул. Недовольный и разбитый, собрался в школу, опаздывать не хотелось. Опять будут грозить вызвать отца.

По дороге мне встретился Колька, он не поздоровался и обиженно ускорился. Я не остановил его, мне нечего было ему сказать.

Возле входа в школу стоял Шут.

– Здравствуй, – поздоровался он.

– Хм... – промычал я от неожиданности и зашел внутрь.

Не знаю, почему я так глупо среагировал. Не думал, что он

со мной поздороваётся, я только пару дней назад узнал о его существовании. Разве после сцены в туалете он не должен на меня злиться? Загруженный этими мыслями, я занял свое место в классе и уставился в окно. Историчка меня не трогала, так и просидел весь урок, размышляя.

На перемене я тоже ни с кем не общался. Потом плюнул на все. Надоело торчать в школе. Я собрал рюкзак и захотел прогуляться по дамбе вдоль реки. Но на крыльце снова был Шут, он стоял с красивой девчонкой.

– Петя! – помахал он мне.

– Чего тебе? – остановился я.

– А ты куда? Еще ведь занятия, – удивился он.

– Да, это... Чет надоело мне... – растерялся я, засмотревшись на девочку.

Она была такая, ну... Это, типа красивая. Волосы такие длинные и пышные, на ветру там типа колосятся. А лицо милое, такое детское, наивное, с румянцем на щеках, и улыбка белоснежная. Да и вообще, она как-то странно смотрела на меня, улыбалась. Что с ней? Может, она того? Верно! Кто еще будет общаться с Шутом? Только сумасшедшая. Еще и низкая, мне по грудь – прямо представил, как она кладет голову мне на плечо.

– Ой! Познакомься, это Аня. Она тоже играет, только на гитаре, – представил ее Шут.

– Аня? – Красивое имя. Но я сказал иначе: – И что вы тут, мелкие, делаете?

– Эй! Я вообще-то старше вас! – Аня стукнула меня в плечо.

– Что? Ты? – рассмеялся я.

– Мне восемнадцать лет исполнилось вчера! – задрав свой остренький нос, гордо объявила Анна.

– Ага, – поддакнул Шут.

– Да ладно? Такой козявке – восемнадцать? Сейчас со смеху умру! – Я схватился за живот и заржал.

– Дурак! – обиделась Аня и отвернулась.

– Мы это, играть идем, – промямлил Шут.

– Где? В песочнице? – продолжал я прикалываться.

– Оставь его! Пойдем скорее! – Аня подхватила футляр с гитарой, который был больше нее, и пошла прочь от школы.

– Ну... это, пока! – помахал мне Шут и побежал за ней.

Я перестал смеяться. Меня что, только что бросили? Фыркнув, пошел на дамбу, как и планировал, но получалось так, что шел за ними. Мне нужно было в ту же сторону, что и Шуту с Аней. Ну и дела: вообще-то тут я крутой, а они лохи, это они должны бегать за мной. А получилось наоборот. Они хихикали между собой, часто оборачиваясь на меня.

Да что происходит? С каких пор я стал посмешищем? Тем более для этих фриков! Это меня злило!

Они притормозили, явно дожидаясь меня.

Я резко свернул за угол дома, чтобы не видеть этих тупых рож. Быстро прошел по двору. Дальше – выход на Арбат. И я натыкаюсь на них. Черт, и тут они!

- Опять вы?! – возмущился я и попытался пройти между них, толкнув плечами, но тут Анна взмахнула кулаками:
- Ну ты и хам! Ты что, людей не видишь?
- Эй! Ты ошалела? Это вы, шантрапа, ходите смеетесь, а теперь еще и на пути стоите!
- Мы не шантрапа и идем своей дорогой. Да больно ты нам нужен!
- Я видел! Шли, поглядывали на меня, шушукались и смеялись! – сказал я.
- Да мы просто идем в музыкалку!
- Не ссорьтесь, пожалуйста! – засуетился Шут.
- Сюда, что ли? – указал я на здание позади.
- Да! – кивнула Аня.
- Ага, точно... – удивился Шут. – А ты откуда знаешь, где она?
- Ну я это, в детстве часто здесь бывал.
- Ты? – удивились фрики.
- Что смотрите? Да, я. Или думаете, я совсем ничего не знаю?
- Извини, просто не ожидали, – Анна положила руку мне на плечо. – А что ты тут делал? Грузчиком подрабатывал?
- Ха-ха-ха! Очень смешно, – огрызнулся я, но после добавил: – Мать здесь работала учителем музыки, пока жива была. Вот и ждал я ее после школы, иногда и внутрь заходил.
- Извини, не хотела тебя обидеть. – Анна сжала мое плечо.
- Нормально все, – отрезал я и отдернул плечо, но после

почувствовал себя дураком. Взглянул на этих двоих, их глаза были наполнены сочувствия, понимания, что ли. – Прогостили. А что вы тут забыли?

– Учимся здесь, – снова задрала она нос.

– Концерт у нас здесь, поэтому и ушли раньше с уроков, – добавил Шут.

– Ну вы точно шайка лейка...

– Обижать нас не надо! Вот возьми и послушай, как мы играем, а просто так обижать нас не надо! Пойдем! – возмутилась Анна и потащила за собой Шута.

Я снова остался один. Меня это злило. Эта девчонка вообще не боится меня. Непривычно. Меня все бояться! Хотел обматерить эту мелкую, но вспомнил... Как прибежал сюда к маме и слушал музыкантов. Как мама учила детей играть на гитаре. Как и сам выучил пару аккордов, но это было очень давно, после маминой смерти я больше не играл.

– Эй! Петька Бой! Ты идешь?! – у дверей закричала Аня и показала язык.

Меня, что ли, зовут с собой? Ну ладно посмотрим, как эти неудачники опозорятся. Оказывается, начинался концерт, уже собирались зрители. На афише у входа прочитал: что-то типа отчетного выступления учеников, сборная солянка. Я вместе с толпой доплыл до зрительного зала, сел. Как давно я здесь не был... Помню, раньше мама тоже выступала и брала меня на концерты с собой. Она играла, а я сидел и слушал. Стоп, а ведь... Точно! Я всегда сидел именно на этом месте.

За много лет тут даже кресла не поменяли. Помню, я здесь еще на сиденье нацарапал «Петь». А «ка», так и не успел, меня наругала тетка, сидевшая рядом. Надо же, и надпись до сих пор здесь, на спинке кресла.

Я ухмыльнулся. Одно из первых моих хулиганств. Провел пальцами по буквам. Незаконченный шедевр. Я достал карманный ножик и накарябал: «ка Бой».

Вот это я умею! Довольный любовался дописанной надписью. На душе стало так тепло и хорошо. Будто на сцену вот-вот выйдет мама... Но вместо нее объявили Шута.

Он вышел и запиликал классическую музыку. Все же он хорошо играет. Зал аплодировал, но я не поддержал их. В переходе Шут играл лучше, а тут мне не хватило чего-то. Возможно не так душевно...

Когда вышла Аня, воцарилась тишина. Эта взбалмошная девчонка явно не вписывалась в рамки этого цивильного мероприятия. Кожаная черная косуха, белая рубашка на выпуск, короткая юбка, яркие колготки, большие черные ботинки. А на голове две пышные дули, они добавляли ей роста – вылитый панк. Мрачный макияж, черные подведенные глаза и ярко-красная помада. Как попугай среди строгих ворон.

Анна протопала к центру сцены. Электрогитара через плечо с широким ремнем и тянущимся за ней шнуром по полу. Дойдя до середины сцены, она встала в стойку, растопырив ноги шире плеч. Подняла руку вверх и со всей силы уда-

рила по струнам. По залу пронесся такой звучный «дрям», что все прикрыли уши.

– Р-р-рок! – вскрикнула Анька, подпрыгнула и начала отыгрывать соло.

Тетка рядом со мной, похожая на типичную училку, сначала хмурилась, а потом начала покачивать головой и отбивать такт ногой. Игра Ани была агрессивной, но живой, настоящее биение бунтарского сердца. На финальном аккорде зал зааплодировал.

Другие выступления досматривать я не стал, скучно. Вышел на улицу, завернул за угол и достал сигарету. Кольца дыма привычно полетели вверх.

Окно над моей головой открылось, оттуда высунулась Аня.

– Эй! Ты чего здесь куришь? – возмутилась она.

– А что, нельзя? – задрал я голову. – Вроде детей здесь нет, никому дурной пример не подаю.

– Детей? Да ты еще и сам ребенок! – рассмеялась она.

– Да чтоб тебя... Мне уже семнадцать! – выругался я и помахал кулаком.

– Дурак!

– Ты очень круто выступила, – неожиданно сказал я. Она выглядывала из окна с таким видом, словно осматривает свои владения. Будто весь мир у нее ног.

– Курение – это плохо! Бросай.

– Согласен. Меня самого бесит этот дым. Может, ко-

гда-нибудь и брошу. Пока лень, – ответил я. Хотя понимал, что просто не смогу бросить – уже пытался, но не хватило силы воли.

– Это не оправдание мужчины, – сказала она.

– Знаю, – ответил честно с злостью.

– Спасибо, что поддержал во время выступления. Я видела, как ты аплодировал, – улыбнулась Анна. – Мы скоро выйдем, подожди нас.

Отчего-то я покраснел, но ничего не ответил. Обычно я общался с девушками, которые меня боятся. Да и как общался... Говорить с ними не о чем, глупые они, эти девчонки.

Докурив, выбросил сигарету и подошел к крыльцу. Из музыкалки выходила всякая мелюзга – обычно мы с корешами над такой издевались. Типичные лохи-заучки.

Они с опаской оглядывались на меня, но у меня не было настроения их гнобить или трясти деньги. К тому же рядом много взрослых. И дураку ясно, что я не стану докапываться до щеглов прилюдно, чего они так трясутся? Что за врожденный животный страх у этих слабаков?

И вот наконец-то из музыкалки вышла Аня, осмотрелась, увидела меня и побежала навстречу. И вдруг ударила кулаком по плечу:

– Ты видел рок?!

– Ты чего? – разозлился я, но посмотрел на ее лицо, невольно улыбнулся. Аня сияла от счастья, настолько сильно ей понравилось выступить, ее протест системе. Настоящая

бунтарка.

– Ты всех всполошила. Теперь они будут строже отбирать номера для концерта, – пробубнил Шут. Я не заметил, как он подошел.

– Зануда! – показала ему язык Аня.

– Что дальше? – спросил я. Они удивленно посмотрели на меня. – Что смотрите? Я спрашиваю, какие у вас планы?

– Ну... Я еще не думала...

– Домой, – уверенно сказал Шут. – Мне нельзя поздно приходить.

Аня кивнула.

– Банальщина. И вы называете себя рокерами? Обычные шуты, – сплюнул я, сунул руки в карманы и пошел прочь.

Они купились! Точнее, Анька. Она сразу побежала за мной, пришлось и Шуту догонять нас.

– А что? Что обычно делают рок-музыканты? Ты знаешь? Танцуют? Буянят? Дерутся? – допрашивала Аня в подпрыжку следуя за мной.

Я шел молча, это злило их, даже Шута. Они у меня на крючке!

– Ничего ты не знаешь! Ты не рокер и тем более не музыкант! – разозлилась Анька, но не отставала.

Достаточно выждав паузу, я остановился, да так резко, что они уперлись в меня.

– Отмечают! – повернувшись сказал я, подняв палец вверх.

– О-о-о, – в один голос удивились они.

– Точно! Точно! Давайте отметим! – запрыгала Аня.

Настал мой звездный момент. Я поманил ребят, они подшагнули ближе, с любопытством ожидая моих слов.

– А деньги у вас есть? – шепотом спросил я и с хохотом щелкнул их по носам.

– Ай! – обиделся Шут.

– Нет. Но он прав, – задумавшись, подтвердила Аня, потирая нос.

– Мне пора уходить, – попытался улизнуть Шут.

– Стой! Он точно прав! Наш концерт нужно отметить! – остановила его Анька. – Я хочу быть настоящим рокером!

– Но у нас нет денег, – напомнил я.

– Заработаем! – зловеще улыбнулась Анна.

Тут даже Шут не осмелился спорить. И вот мы бандой направились в переход. Они достали свои музыкальные инструменты, поставили один из футляров для монет. О чем-то пошептались и начали играть что-то классическое. Гитара со скрипкой звучали странно, мне вообще не понравилось. И немногочисленным прохожим, судя по пустому футляру, тоже.

– Ну что за нудятина? – не выдержал я. – Вы ведь умеете лучше! Играйте современные песни!

– А петь кто будет? – раздраженно сказал Шут.

– Да! Если и играть современное, то надо с песнями. А мы не певцы. Ты умеешь? Или только болтать можешь? – усмех-

нулась Анька.

– Скажу честно, достала ты меня уже со своим нытьем. Была б ты пацаном, давно бы тебе всек!

– А ты всеки! Давай! – не сдавала назад Анька. – Это ты сказал про настоящих рокеров, а сам...

– Тьфу! – отвернулся я. Ну не драться же мне и вправду с девчонкой.

И тогда Шут заиграл популярную песню, Анька тоже начала подыгрывать на гитаре.

И чего она о себе возомнила? Думает, раз умеет триндеть на своей балалайке, так, значит, лучше меня? Ни фига подобного!

Отбросив скромность, я начал подпевать. Кто-то из прохожих странно на меня взглянул. Чтобы не видеть их тупые взгляды, я опустил глаза и продолжал петь. Когда музыка смолкла, я ожидал смешки или фырканье – вряд ли же кому-то понравился мой голос? Но вместо насмешек я услышал жидкие аплодисменты. Поднял глаза. Ого! Перед нашей троицей собралась небольшая толпа, и вроде бы им даже зашло.

– А ты хорошо поешь! – напрыгнула на меня Анька и крепко обняла. – Почему не говорил, что ты наш?

– Ваш?

– Рокер! Такой же, как и мы! – не унималась Анька. Шут только кивнул. – В тебе живет музыка! Она внутри тебя!

– Да ладно, фигню не неси, – буркнул я и попытался от-

вернуться.

– Сегодня мы отмечаем не только наше выступление, но и твое рождение! – победоносно сказала Аня.

– Что встали? – разозлился я. – Я говорю, что стоите?! А ну давай играть! А то так мы не заработаем! Быстрее! Люди ждут!

Мы спели еще несколько популярных песен. Ну как пели... слова я знал не все, но если уж знал – то подпевал от души. Со временем даже вошел во вкус, некоторые особо энергичные припевы даже кричал – с выражением и нотами, как положено. Где-то слышал, что каждый уважающий себя музыкант должен спеть в переходе.

Мы собрали вокруг себя большую разновозрастную толпу. Анька была круче всех, она дурачилась как безумная, наворачивала круги возле комбоусилителя и крутила башкой. Я пел так самозабвенно, что даже сорвал голос. Только Шут был серьезен. Поначалу мне показалось – он нас, взбалмошных, стесняется, но нет. Просто это был его способ погружаться в музыку – спокойно проживать ее внутри себя. Я читал о таких людях, это у него такой тип характера, кажется, называется интроверт. Ну а мы с Анькой, наверное, эти... «экстрасверты» – безумцы, любящие жизнь.

И вот три звезды подземелья, наполненные духом музыки, величавой походкой вышли на свет. Ну как на свет, конечно, уже был поздний вечер.

Шут распереживался, что ему пора домой, и, что-то про-

бормотав, быстрой походкой покинул нас. Странно получилось: деньги у нас уже были, но праздновать вдвоем было бы как-то странно. В итоге мы с Анькой тоже решили расходиться. Оказалось, она жила в моей стороне, и мы молча шли вдвоем. Я не знал, что сказать. Внутри меня бурлили эмоции. Я только что пел! И людям вокруг нравилось! Я чувствовал себя настоящей звездой, казалось, с этой минуты моя жизнь изменится...

Но молчаливая прогулка с Аней вернула меня в реальность. Не похоже, что она осталась в восторге от нашего выступления. Иначе почему молчала сейчас, будто я ее чем-то обидел? Или она вспомнила, что я обычный хулиган? От этих мыслей у меня сдавливало грудь, но я ничего не говорил.

– Мы пришли, – тихо прошептала Анна, остановившись напротив подъезда.

Я тоже остановился. В груди настолько защемило, что я скорчился от боли и присел на корточки.

– Петя! Что с тобой? – кинулась ко мне Анька.

– В груди, в груди болит... – простонал я.

– Ложись на снег, ложись скорее, – она, сняв с себя шарф, подложила его мне под голову. – Тебе нужно вытянуться, это все страх, так бывает после первых выступлений...

– Я ничего не боюсь, – сквозь зубы пытался сказать, но ничего не выходило, мне не хватало воздуха даже на вдох. Мог только смотреть на Аньку.

– Уходи, уходи страх. – Она проводила руками от моей груди к ногам, словно совершала ведьмовской ритуал.

Действительно стало легче. Я даже улыбнулся. И чего она говорит про страх? Я никогда ничего не боялся. Заметив мою улыбку, Анька перестала водить руками и сложила их на коленях, сидя рядом со мной, развалившимся на снегу.

– Фуф!

– Спасибо, – буркнул я, не узнав свой голос. Получилось как-то... робко.

– Не сдавайся, не бойся, ты с нами, ты такой же, – прошептала она, словно заклинание, взяв мою руку и приложив к моей же груди.

Наконец Анька встала. Я поднялся за ней, протянул шарф, но она остановила меня.

– Потом отдашь. Вдруг еще где-нибудь по пути вздумаешь упасть! – улыбнулась Аня и пошла к своему подъезду.

Я расслабился и запрокинул голову к небу, дыша полной грудью. Еще долго улыбка не сходила с моего лица. Безумство, как в подземелье, опять захлестнуло меня.

Дух времени 4

Ночью я проснулся от того, что отец гремел посудой на кухне. Он снова пришел домой пьяный. Вот и превратилась карета в тыкву, а мои фантазии о жизни рок-певца разбились о суровую реальность. Пьяный батя, постоянная ругань. Вот моя настоящая жизнь, а не концерты в переходе.

– Петька! Петька, черт тебя дери!

Я встал, накинул на всякий случай штаны и футболку – вдруг отправит за чекушкой.

– Я тут, – зашел на кухню.

– Ты куда еду дел? А? Где эта чертова сковородка?

– В холодильнике, – ответил я, стоя у порога.

Отец сидел шатаясь, в грязной куртке.

– Ну так давай ее сюда! – стукнул он кулаком по столу. – Есть хочу...

Сглотнув ком в горле, я прошел мимо отца к холодильнику. Достал сковородку, положил жареную картошку в тарелку и подогрел в микроволновке. Все это время он, пьяно покачиваясь, боролся со сном, к счастью – молчал.

– Что это? – от брякнувшей по столу тарелки отец будто проснулся.

– Жареная картошка.

– Сам вижу. Ты что, думаешь, я совсем тупой?

– Нет, папа, – замялся я. Я уже давно был крепче и силь-

нее отца, но на его крик всегда реагировал одинаково – как нашкодивший щенок, сжимался и виновато опускал голову.

– Что ты бычишься? Я твой отец! – смахнул он тарелку на пол. Картошка рассыпалась вперемешку с осколками.

Выбора не было, я наклонился убирать, и в этот момент прилетела затрещина по затылку. В голове зазвенело. Потеряв равновесие, я полетел на холодильник.

– Да я вкалываю, чтобы у тебя была еда и ты вырос нормальным! А ты, паскуда, не уважаешь отца! – зло уставился он на меня. – Брось ты это все... – Он оттолкнул меня, развалившегося на полу. – А ну неси дневник!

– Пап... – попытался унять его.

– Быстрее! Неси сюда этот чертов дневник! Посмотрим, как ты уважаешь меня... мои... старания вырастить тебя человеком. Впахиваю ради этой паскуды...

Я шел за дневником и понимал, что будет дальше. Хотелось выскочить на улицу и сбежать, но расплата будет в любом случае. Уж лучше сейчас – у пьяного удар слабее. Ну и, может, в этот раз будет по-другому?

Дневник лег перед отцом. Он мотнул головой, видимо, указывая на стул.

– А ну сядь! Стоишь над душой. Так... Посмотрим...

Он размашисто перелистывал страницы, чуть ли не вырывая их.

– Ах ты мразь! – Отец уткнулся взглядом в колонку оценок и замахнулся. Я успел увернуться, ладонь прошла чир-

ком. – Двойки?! Плохое поведение?! Да я тебя!.. – Шатаюсь еще сильнее, отец встал и принялся снимать со штанов ремень. – Я тебя воспитывать буду! Мать погибшую позоришь! Она ведь учителем была! Ты обязан чтить ее память!

Не знаю почему, но я вспомнил переход. Момент, когда я пел. Именно мама учила меня петь. Сегодня она могла бы мной гордиться – я выступал так, как она учила, с душой отдаваясь музыке. Она была бы счастлива, узнав, что я сам наконец почувствовал счастье. И отец будет говорить, что я не чту ее память? Да что он понимает?!

Я не выдержал, подскочил со стула. Слова вырывались из меня с надрывом:

– Да ты сам позоришь мать! Посмотри на себя! Бухаешь постоянно! Страдаешь! И мне жить не даешь!

– Ах ты сучок! – кулак прилетел по скуле.

Я мог, но не стал уворачиваться. Мне хотелось ощутить эту боль, почувствовать, что это реально. Боль отрезвляет, заставляет бороться. Отец хотел напугать меня, но вышло иначе: я ощутил пинок свободы. Впервые в жизни я осмелился противостоять отцу. Оказывается, специально подставлять лицо под удар – это сложнее, чем уворачиваться, но зато и вдохновляет лучше.

Я замахнулся и с силой ударил его в ответ. Отец, не ожидая отпора, упал назад и опрокинул стул. По пути зацепил скатерть, шторы – все загремело и начало рушиться. Но мне было этого мало. Пусть хоть весь мир рухнет от моих ударов!

Я бросился вперед, придавил отца к полу и бил, бил, бил...
– Ты сдался! Я не виноват, что ее больше нет! – кричал я.
Замахнулся в очередной раз и увидел отца. В его взгляде была боль, но не от удара. В глазах читалось отчаяние – страдание мученика. Мой удар ему был намного нужнее, чем его избивание меня.

– Сын... – несвязно прикрываясь промычал отец.

– Не смей! Это ты мучаешь себя и меня. Ее нет! Она умерла! – Я поднялся, от злости пнул стол и бросился из дома, обувшись и прихватив какую-то куртку.

Сердце колотилось в бешеном ритме. Впервые в жизни я осмелился честно сказать отцу то, что думаю о смерти матери. Да и сам смог только сегодня это осознать. Я любил ее, но не мог смотреть, как отец топил боль в алкоголе и разрушал все вокруг себя. Он медленно убивал себя и меня.

Когда мама была жива, он был другим. Высоким, сильным, остроумным и добрым. Мама постоянно ставила его в пример, он любил ее сильнее всего на свете. Как-то она порезалась ножом во время готовки, так отец всю неделю сам готовил и ничего не позволял ей делать. Раньше дома было тепло, уютно – я любил родителей, а они меня.

Но у мамы обнаружили рак. Она сгорела в болезни буквально за полгода. После похорон отец изменился. Стал пить, злиться, ходил всегда мрачным и грустным и стал меня бить.

Все хорошее в отце и мне было от матери. Когда ее не ста-

ло, мы превратились в озлобленных псов, которые могут только огрызаться на прохожих и грызться друг с другом. Но почему-то я больше не хотел так жить.

На улице было холодно – все-таки зима. Руки и ноги начали замерзать, но возвращаться домой я не хотел. Нет, приходиться раньше завтрашнего вечера, пока отец не уйдет на смену, не вариант. Но и переждать негде – друзей, к кому я мог бы завалиться среди ночи, не было. Впрочем, никаких друзей не было.

Когда уже стало светать, меня окликнул знакомый голос.
– Петька Бой?!

Я обернулся и увидел Шута. Он стоял с поводком в руках, а рядом вертелась маленькая собачонка.

– Чихуахуа? – рассмеялся я.

– Привет. А ты почему в таком виде?

– А тебе какое дело? Иди гуляй со своей Хуа! – сорвался я на Шута.

– Я ведь помочь хотел, – обиженно ответил он, но не ушел. Наоборот, шагнул ближе. – Что случилось?

– Да ты чего пристал-то?! Ты и вправду бессмертный или дурак! – Я толкнул его в плечо, но он устоял на ногах.

– Я знаю.... Ты добрый, – робко сказал он и вжал голову в плечи, готовясь к удару.

– Да что тебе надо от меня?! Я злой! Злой я! – зарычал я на него. Но он не двигался, только беспокойно залаяла его собачонка. Шут зажмурил глаза. Боялся, но не отступал.

– Отвали от меня, пока я тебе ноги не переломал! Или хочешь святым показаться?

Я схватил его за ворот. В мою ногу вцепилась эта мохнатая мелюзга.

– Ай! Да черт тебя дери! – Я махнул ногой, собачонка отлетела.

– Не тронь мою собаку! – толкнул меня Шут.

Я не ожидал такого, потерял равновесие и рухнул в снег. Надо мной стоял Шут. Он обеспокоенно оглядывал чихухуа. На меня – плевать. Я вспомнил отца. Несколько часов назад я так же навис над ним, и он смотрел на меня с отчаянием. Так же, как я сейчас смотрел на Шута. Я не такой!

– Я друзей не бросаю! – жестким голосом сказал Шут, подняв собаку на руки. – Вставай! Идем ко мне, я помогу.

Он что, издевается? Или... неужели серьезно? Хочет сказать, ему на меня не плевать, он готов помочь?

Как-то странно защищало глаза. Разозлившись, я сел и зарычал. Не хочу быть слабаком!

– ПФ, – буркнул я и поднялся.

Мы направились к нему домой. В коридоре нас встретила его мать.

– Петр, ты пришел с другом в такую рань? Ой! Кто тебя так? – испугалась она, увидев мою распухшую физиономию. Похоже, отец оставил мне синяк. Но это ерунда, главное – Шут мой тёска?! Его правда зовут Петр?! Явно же его мама не ко мне обращалась, мы впервые виделись.

– Мама, это Петька Бой, мой друг. Ему нужна помощь, и, пожалуйста, без лишних вопросов, – твердо сказал Шут, то есть Петр.

– Ты чего это раскомандовался?! – возмутилась мать.

– Пожалуйста, – смягчил он голос.

– Наш сын стал бандитом? – из одной из комнат выглянул высокий мужчина с вытянутым лицом.

– Это мои папа и мама.

– Можешь нас называть, дядя Вова и тетя Лена, – добавил отец Петра и улыбнулся.

– Здравсти... – протянул я.

– Петр, сам знаешь, я стараюсь не лезть в твои дела. Но некоторые вещи нельзя скрывать, – сказала тетя Лена, прищурившись.

– Да, мама, но это не наше дело.

– Ладно! Пойдем подлечим твоего друга и позавтракаем, а после вы нам расскажете то, что сочтете нужным.

Его мама показала, куда повесить куртку, и повела меня в ванную.

Я послушно шел за ней, будто маленький мальчик. Она была похожа на мою мать. Невысокая, с темными волосами. Заботливая и понимающая... Такая, какой я помнил свою маму.

Она включила воду и усадила меня на край ванной. Достала аптечку с полки за зеркалом и стала разглядывать мое лицо. Я отвел взгляд.

– Петр, умойся, а после я обработаю твои раны, – сказала тетя Лена и сделала вид, что копается в аптечке.

Я умывался и поглядывал на нее через зеркало. Красивая женщина. Челка постоянно спадала ей на лицо, и она откидывала волосы, чтобы не мешали. Невольно я заметил открытое декольте домашней футболки. От всех этих мыслей я стал с силой тереть лицо, пытаюсь стереть и грязные мысли.

– Петр? Петр? Ты что? У тебя же все лицо разбито, полегче. – тетя Лена развернула меня.

Я стоял, как дурак, и злился. И мечтал, что эта незнакомая женщина, как моя мама, сейчас заботливо прижмет меня к себе, попробует успокоить. Ее мягкие руки сжимали мои. Взгляд был любящий – материнский. И очень понимающий, словно она видела меня насквозь. Я попытался вырваться и выбежать из ванной, но она с силой обняла меня, прижав мою голову к своему плечу. Конечно, я был выше и сильнее ее, но не мог сопротивляться – обмяк и прижался, как к своей матери.

– Тише... Тише... – приговаривала она, поглаживая меня по голове.

Она крепко держала меня, не отпускала. Чужого, совершенно незнакомого мальчишку!

– Почему?.. – успокаиваясь, спросил я стыдливо.

– Ты друг Петра, а он дружит только с хорошими мальчишками. И извини, я знала твою мать. Мы вместе с ней работали, я помню, как ты маленьким прибегал к ней, я узна-

ла тебя. Твоя мама была хорошим человеком, знаю, что ты теперь один, – виновато сказала она.

– Но... – было начал я, она перебила меня.

– Все хорошо...

Я не понимал, как можно так заботливо относиться к чужому мальчишке, но в тот момент это было неважно. Я впитывал каждую каплю такой редкой для меня нежности.

– Давай посмотрим, что у тебя с лицом, – отпустила она меня, и я смиренно сел на край ванны. Тетя Лена обработала мне синяк какой-то мазью и сказала: – Ну все! Теперь ты снова красавчик. – Она засмеялась и сполоснула руки. – Пойдем, мы вас покормим и отправим в школу.

– Спасибо, – сказал я. Она только улыбнулась и вышла.

Я глубоко выдохнул и пошел на кухню. Отец Петра и он сам уже сидели за столом, а мама расставляла на стол тарелки с пловом.

– О-о-о! Теперь ты не так похож на бандита, – засмеялся дядя Вова и жестом пригласил сесть.

– Спасибо, – ответил я, опускаясь на стул.

– Ты это, не стесняйся, мы не сильно умеем общаться с друзьями Петра, он не часто их приводит в дом, – похлопал его отец меня по плечу.

– Не говори ерунды, дай ребенку поесть, – пригрозила ложкой тетя Лена и поставила передо мной тарелку с толченой картошкой и жареными котлетами.

От аромата заурчало в желудке.

– Извините, – засмутился я. Даже и не знал, что так голоден.

– Это фирменные котлеты от папы, он у нас почти как личный шеф-повар, – сказал Петр, подавая мне хлеб.

– Ешьте сначала! Болтать потом будете! – пригрозила с улыбкой мама и тоже села за стол.

Я съел одну ложку картошки, потом надкусил котлету, и так за мгновение слопал всю тарелку. Оказалось очень вкусно.

– Дорогая! А ты смотри, дай ему еще добавки, – засмеялся дядя Вова.

Мама взяла мою тарелку и наполнила прежде, чем я успел возразить.

– Спасибо, не надо, – пришел я в себя.

– Ешь, твой аппетит – это лучшая похвала повару, – засмеялся отец Петра.

– Не обращай на него внимания, он вечно ребячится. Кушай, – сказала мама. Дядя Вова взял ее за руку и поцеловал.

Вот она, настоящая дружная семья. Когда-то и у меня была такая. Петр молчал, но он тоже был частью этой семьи.

– Пап? Ты дашь Петьке куртку на сегодня? А то его легкая, не зимняя.

– Конечно дам, – сказал он и тут же стал серьезным. Повернулся ко мне. – А ты уверен, что сам разберешься со всем? Тебе точно не нужна помощь? – видя мое замешательство, добавил: – Если у тебя проблемы, я постараюсь по-

мочь. Петя сам не расскажет, если ты не разрешишь... Если это не просто уличная драка, а что-то более серьезное...

И тут я понял, что я виноват перед Шутом. Да, именно перед Шутом. Петром он стал для меня только сегодня. Ведь я постоянно донимал таких слабаков, как он. Но сейчас смотрел и понимал, что он не слабак – его, в отличие от меня, неудачника, хотя бы уважают дома. К его мнению прислушиваются, это на меня всем насрать... Это не он ведомый, а я... И сейчас его родители принимали меня как родного. У меня в жизни все могло сложиться так же, как у Петра, если б моя мама была жива.

– Нет, спасибо, я справлюсь, – ответил я и добавил: – Все было очень вкусно, спасибо вам.

– Отлично! Идите собирайтесь, сейчас я поищу что-нибудь для тебя, – сказал дядя Вова.

Когда мы вышли на улицу, я остановил Петра.

– Ты это, извини меня, я не хотел... – слова давались с трудом. Я так и не придумал, как оправдаться за свои издевательства.

– Все нормально, ты мне ничего не должен, ведь ты меня не донимал, – ответил он.

По его взгляду было понятно, что он действительно не ждет извинений. Они просто не нужны ему, он ни в чем меня не винил. Его решимость удивляла. Так мы и пошли в школу вместе. Весь день я ни с кем толком не разговаривал, не хотел, даже с Петром, а он и не лез.

Вечером отца не было дома, поэтому я прибрался на кухне и спокойно лег спать. Даже сделал алгебру и русский язык. Больше ничего не осилил, было лень, остальные уроки задали устно – не хотел читать.

На следующее утро меня разбудил отец.

– Петь, Петя? Вставай! – позвал он меня раньше будильника. – Иди поешь и в школу. Я там это... яичницу приготовил.

Он замер в пороге и хотел что-то еще сказать, но, видимо, так и не смог. Но слова были бы лишними. С момента, как умерла мама, он впервые сам разбудил меня в школу и приготовил завтрак.

Дух времени 5

Две недели я воодушевленно ходил в школу и даже учился. Возвращался сразу домой и нигде не задерживался – примерный сынок. Отец не пил, но с ним мы почти не виделись, он стал позже приходить домой. Мне нравился такой устой, появилось некое спокойствие в жизни. Возможно, я хотел бы жить так всегда.

Но если разобраться, изменилось не так многое. Оценки не сильно улучшились, контрольную по алгебре я написал на два. Да и по русскому получал тройки! Если честно, я вообще не умел правильно и красиво писать. Говорят, что помогает больше читать классическую литературу. Но каждый раз, беря в руки книгу, я засыпал. Что-то из классики даже начинать не хотелось. Нужно было подтягивать оценки, чтобы после выпускного поступить в нормальное место, но я и не представлял, что делать после школы.

Как-то я попытался освоить навык скорочтения, даже в интернете искал уроки. Было много ерунды, по видео один мужик объяснял, что достаточно пять минут в день читать книгу вверх ногами. Другой говорил, что надо быстро пальцем водить по тексту. А третий вообще сказал, что не нужно повторять про себя прочитанное! А как тогда читать?! Не думая?! В общем, вся эта затея заглохла, не успев и начаться.

Понемногу я общался с Анькой и Петром. В школе пе-

ресел от своего кореша Кольки, не хотелось больше иметь с ним дел. Петр оставался сидеть на первой парте с Атаманчук. Они стояли друг друга – два ботана, которые всегда готовы выйти к доске.

Я сидел на предпоследней парте за Языковым и Тесленко, эти оба постоянно ворковали. Кажется, они даже ходили в один детский садик, не удивлюсь, что и там на горшках держались за ручку.

И вот один из роковых дней. Я ждал конца уроков и, чтобы не скучать, начал напевать про себя, а после даже перedelывал слова в популярных песнях – хотел создать что-то свое. Музыка заполнила все мои мысли. Я понял, как можно рассказать о себе, о своих чувствах, о мире, в котором хочу жить.

– Петя, – позвала меня учитель.

Я вопросительно посмотрел на нее, а после на класс.

– Может, ты перестанешь витать в облаках? Скоро ЕГЭ.

– А что я? Я молчу...

– И выключи музыку! – возмутилась учительница.

– Простите, – опомнился я. Мне звонил отец, я сбросил и поставил телефон на беззвучный.

– Хорошо, продолжим! – сказала учительница.

От отца пришло смс:

«Ты после школы домой?»»

Я ответил «Да» и убрал телефон, возвращаясь мыслями к музыке.

После уроков я вернулся домой и сразу заметил в коридоре женскую пару обуви. Зачем отец спрашивал, зайду я или нет, если женщина еще тут? Так бы и написал, вернись позже. Но я не имел права осуждать его. Он не может всю жизнь провести в одиночестве.

Я тихо разулся и осторожно прошел на кухню. Там сидела женщина лет сорока и громко смеялась вместе с отцом. Завидев меня, они стали такими серьезными, что я и сам встал по струнке смирно и громко поздоровался.

– Здравствуйте!

– Ты чего разорался?! – возмутился отец, но тут же смягчился. – Я тебя хочу познакомить с Ниной, Ниной Алексеевной.

Теперь я понял, почему отец стал меняться – причина не во мне. Все ради нее: он перестал пить, ругаться, стал сдерживать свой гнев. И даже начал оставлять деньги на школьный обед.

– Здравствуй, Петя, можешь называть меня Ниной, – приветливо сказала она.

– Спасибо! – громко ответил я и поклонился. – Я пойду. Сегодня у меня встреча, – отчитался и резко ушел. С кухни доносились растерянное причитания отца и нежный голос Нины.

– Не переживай, он уже взрослый, ему нужно время побыть одному, он примет это.

А она не дура, раз так считает. Но отец у меня все же

вспыльчивый. Поэтому я бросил рюкзак в комнате, схватил кофту и рванул к выходу. Но в коридоре меня остановил отец.

– Петь, извини.

От этих слов я оторопел. Он действительно изменился. Если раньше он бы просто накричал, то сейчас как будто говорил искренне. Словно ему действительно важно, как я отреагирую на Нину. Отец извинился передо мной – щенком. Стало тяжело дышать, как тогда, после нашего выступления в переходе. Я вспомнил, как Анька изгоняла мой страх. Но сейчас ее не было рядом.

– Петь, мне было непросто. – отец сжал пальцы рук в кулак.

В голове моей звучало «Черт! Черт! Не смей, не говори этого! Почему сейчас? Когда здесь сидит она? Чужая, непонятная тетка! Это все из-за нее – не из-за меня! Ему пофиг на меня!»

– Петь, когда мы потеряли мать, мне стало страшно. Я знаю, что был резок с тобой. Извини, сейчас мне противно от самого себя. Я боялся, и мне было не до тебя, я считал, что тяжело только мне. Извини.

От его слов я взбесился.

– Не до меня?! Я потерял мать и отца в один момент! А тебе было не до меня?! Я хотел найти в тебе поддержку! – Я кричал, как девчонка – ничего не мог поделать с собой. Но увидел взгляд отца. Он был таким же, как на похоронах

матери.

Хотя нет, совершенно другой. Он растерян, но надеется на мою поддержку. Что я одобряю его шаги к будущему. Я почувствовал, что сейчас решаю его судьбу, словно палач, занесший топор над головой. Запрещу ему встречаться с этой женщиной – и отец послушается, вернется к своему одинокому горю.

Краем глаза я заметил, как отца в спину толкнула женская рука. Он поддался вперед и крепко обнял меня, прижав к себе. Отец сжимал мне ребра, я хотел кричать и вырываться, но не вырывался. Постепенно счастье наполнило тело. Давно я такого не чувствовал... Я был не один – нужен кому-то. Я все же любим. Мой отец, избивающий меня недавно, сейчас обнимал меня. От этого было непривычно тепло. Как бы я ни пытался выглядеть взрослым – я был ребенком, и он сказал это слово:

– Сынок...

Я тоже крепко обнял его. Когда очень сильно любишь, хочется сжать человека настолько сильно, насколько это возможно.

Когда мы немного успокоились и эмоции перестали захлестывать, отец похлопал меня по плечу.

– Ну все, беги, сынок. Ты ведь гулять?

– Угу, – кивнул я и ушел, медленно закрыв за собой дверь.

Женская рука, подтолкнувшая отца к таким необходимым для меня объятьям... Все же эта Нина неплохая, спасибо

ей. Но куда мне идти теперь? Домой возвращаться не хотелось. Вспомнилась Анька. Мне бы тоже хотелось иметь рядом женщину, которая в нужный момент подтолкнет меня к правильному действию.

Когда я вышел во двор, там качалась Анька на детских качелях. А рядом стоял какой-то парень. Я подошел к ним быстрым шагом и спросил, не глядя на него:

– Это кто?

– Мой одноклассник Армен, он здесь рядом живет, – ответила Анька.

– Я тебя где-то раньше видел? – Я повернулся к нему и приблизился вплотную.

Но Армен набычился, не отшатнулся. Парень был невысокого роста, но не трусил.

– А ты что такой дерзкий? Ты кто вообще? – спросил он, но я уже сжал кулаки. В такие моменты главное – ударить первым! Он посмел забрать мою Аньку?

– Дурак! Ты что творишь?! – спрыгнула с качелей Аня и попыталась удержать меня.

– А что он? Чего он с тобой забыл? Да и что ты с ним делаешь? – возмутился я.

– А я тебе кто? Я что, твоя собственность? Ты можешь сначала говорить с людьми, а не сразу кидаться на них? – продолжала она меня отталкивать.

– Да... Дура ты! – разозлился я.

– Это я дура? Это ты, словно дикий пес, набросился

на Армена!

– Да я его... – шагнул я.

– Дурак! Ты чего мной командуешь?

– Аня, тебе нужна помощь? – вякнул издали этот Армен.

– Стой! Спасибо тебе, но с этим дураком я сама разберусь. – Она повела меня в сторону.

– Чего ему от тебя надо? – спросил я.

– А с чего ты вообще раскомандовался? – остановилась Анька.

– Нечего тебе с такими общаться.

– А ты мне кто? Я что-то не поняла!

– Нравишься ты мне! – вылетело у меня. Я видел, что Армен не уходит и пялится на нас. – Ты свободен, мальчик!

– Пожалуйста, извини Петьку, он не хотел тебя обидеть, – раскланялась Аня. – А ты, Петька! Извинись... – Она говорила так, будто это я ее обидел. Да почему она не понимала, что я прав? Почему накосячила она, а извиняться мне? Да еще этот Армен, видно же, что он к ней клинья подбивает. Но сейчас это все было бессмысленно. У нее такой испуганный взгляд... «Да к черту это!» – подумал я и подошел к нему.

– Ты это, извини, – выдавил из себя.

– Ладно, пока, Ань, – сказал Армен и развернулся.

Эй, я перед этим придурком извинился, а он будто и не заметил. Что, на это Аня тоже попытается меня успокоить? Она реально не понимает, что это унижительно?

Ее ладонь легла мне на плечо.

– Я не твоя собственность, даже если бы мы встречались.

Так вести себя не надо.

– Ясно. – Я повернулся к ней.

– Полегче, Петька Бой! Не смотри на меня так. Мы же просто гуляем, ничего больше...

– Так это... пойдём погуляем?

– Не пойду! – рассмеялась она и пошла прочь по тропинке.

Я стоял в недоумении и смотрел ей вслед. Ну нет! Не отстану! Я догнал ее и на ходу взял за руку. Она не сопротивлялась. Мы шли молча, я был доволен. Анька возмущалась на меня постоянно, будто она не сможет дышать, если не попытается меня переделать. Хотя она вроде бы делала это из добрых побуждений. Мне захотелось поделиться с ней ситуацией с отцом, но я не знал, как начать. Тема слишком личная, а я ей никто.

– Что тебя беспокоит? – спросила Аня сама, будто прочла мои мысли.

– В смысле?

– Ты какой-то нервный. Извини, но я не думаю, что это из-за Армена.

– Видел, как вы мило общались, – вырвалось у меня.

– Не перебивай меня. Дело не в этом.

– А в чем?

Ну все, опять. Анька начинала злиться, да и я еще

не остыл. Это могло закончиться очередной ссорой.

– Ты уже подошел нервный или печальный, не знаю, какие слова подобрать...

Я не ответил. Так она не злится, а беспокоится?

– Мне вспомнилось, как после выступления тебе стало плохо. И сейчас ты будто тоже не в порядке.

– Спасибо, я научился сам с этим справляться, – не знаю зачем, но я грубо оборвал ее. Да что со мной происходит? Я же только что хотел поделиться с ней личным, и тут же ее отталкиваю.

– Дурак! Не умеешь нормально общаться!

Анька отпустила мою руку и развернулась в сторону от меня. Мы как раз проходили мимо ее дома, и она успела скользнуть в подъезд. Я не стал догонять. В кармане запиликал телефон – сообщение от Петра.

«Завтра собираемся в 15.00 в переходе. Пойдешь выступать с нами?»

В ответ я написал:

«Хорошо».

И тут же переслал его сообщение Ане. Она ничего не ответила. Лишь только вечером написала:

«Теперь мы с тобой связаны музыкой».

Я довольный плюхнулся на кровать. Все-таки я ей нравился. Мои мысли были заняты Анькой. Я не понимал, что я не так сделал и почему она такая непостоянная. Сначала зовет гулять, потом обижается и убегает. Странные эти жен-

щины.

Как вспомню, что рядом с ней стоял этот Армен, аж передергивает! И зачем она была на качелях с ним? Неужто хотела прогуляться втроем?! Хотя сказала, что он сам подошел, а почему тогда не прогнала? От этих мыслей у меня разболелась голова.

Ночью я проснулся от шуршания в коридоре. Это отец с Ниной ворковали. Придя домой, я не обратил внимания на комнату отца, один он дома или нет. Оказалось, что эта женщина была у нас. Сейчас отец выпроваживал ее. В нашем доме чужой человек – чувства от этого странные.

Потянувшись, я попробовал отогнать от себя эти мысли. Нужно было как-то подготовиться к предстоящей игре. Если честно, я не знал, как это делают певцы. Мне нужно потренироваться? Или вообще тянуть звуки? Типа это... разогреть связки. Кажется, мама что-то такое упоминала.

Встать у зеркала и тянуть: «Аааа... Оооо... Уууу... Ээ-ээ...». Да ну, бред, не могут же серьезные певцы делать такую ерунду.

Я заглянул в интернет, посмотрел пару роликов. Как и со скоротчением – ничего путного не нашел.

Написал Петру:

«Привет. А как научиться правильно петь?» – стер сооб-

щение, написал новое.

«Ты знаешь уроки по вокалу?» – тоже стер. Он ведь скрипач, откуда ему знать, к тому же ночь на дворе. Достал наушники и включил музыку, чтобы унять ворох мыслей.

Проснулся, когда уже было светло. Послышался аромат жареной картошки – заурчало в животе. Пора вставать! Уже 12:30.

Я пошел в ванную, умылся. На кухне, за плитой в фартуке стоял отец.

– Эм... Привет... – протянул я.

– Привет, сынок.

Его это новое «сынок» покорило меня. Возможно, так он пытался показать свою любовь. На его висках блеснула от солнца седина. «Стареет, и пыл его гаснет. Теперь у меня еще больше ответственности, теперь и за отца?» – подумал я.

– Садись перекуси, – поставил он на стол тарелку с жареной картошкой.

– Спасибо! – ответил я и принялся есть.

Больше разговаривать никто не решался. Не знаю почему, и это меня злило. Но я посмотрел на отца и понял: каждый находился в своих размышлениях. Наверное, сейчас не время для болтовни о том, что у нас на душе. Хотя бы всё налаживается, лучше я просто буду наслаждаться этим. Счастье любит тишину. Я попрощался, надел наушники и пошел к переходу.

Погода была хорошая, солнечная, хотя одет я был легко.

Кроссовки промокли, но мне было пофиг. Музыка будоражила. Я представлял, как люди в переходе будут останавливаться, заслушиваясь нашими песнями, и подбрасывать деньги в футляр. Я пришел первым и встал рядом со входом, покуривая сигаретку. Проходящая мимо бабка хапнула мою струю дыма и закашлялась.

– Хулиган! Такой молодой, а уже курит! – проворчала она, размахивая руками.

– Извините, бабушка. Я не хулиган, а спортсмен, что пристали?

– Какая я тебе бабушка?! – уставилась она на меня.

– Женщина? – удивился я.

– Хам! – разозлилась она и ворча пошла дальше.

Вот тут я ее совсем не понял. Что ей не понравилось? На вид старая, не девушкой же ее называть! Наверное, женщины с возрастом понятнее не становятся – что ни скажешь, все равно обижаются.

На всякий случай отошел к деревьям, подальше от входа. А ведь интересно получается, я курю под деревом, и оно сразу превращает мой дым в кислород. Так что никому не врежу. Не зря я учусь в школе, много чего знаю.

Например, знаю, что раньше врачи прописывали курение как метод лечения. Типа помогало от нервов и многого другого... Тогда, когда все уже подсели на никотин, выяснилось, что он вреден для организма.

Но я никого не принуждал курить, губил только себя.

Иногда в длительных драках дыхалки не хватает, а это бесит. И после пробежек тяжело, начинаю задыхаться. Может, и правда бросить? Я и начал-то по глупости, чтобы казаться крутым, но крутости в этом нет.

К переходу подошла Анька, огляделась. Увидела меня, но не подошла и не поздоровалась. Все еще дулась. Я выбросил окурок в урну, с пары метров попал. Получилось круто, но она не заценила.

– Привет, Аня, – сказал я подходя.

– Привет, – ответила она, смущаясь.

Походу девочкам нравится строить из себя стесняшек.

– Где Петр?

– Вон идет, – кивнула она.

Я даже не посмотрел в ту сторону. Засмотрелся на этот мелкий буйный комочек. Большие глаза светились азартом от предстоящего выступления. Над головой Ани торчал гриф гитары в чехле.

– Чего тебе? – Аня заметила, что я в упор разглядываю ее.

– Ничего.

– Извините, давно ждете? – подошел Петр.

– Что, мамины блинчики лопал? Почему опоздал? – сорвался я на него. Но потом опомнился и попытался извиниться. – Шучу я...

– Пойдём, – сказала Анька.

Уже в переходе мы расположились, ребята вытащили свои инструменты. Людей ходило не много. Я попытался поймать

нужное настроение.

– Ну что? Ты что-то готовил? – спросил меня Петр.

– Да, есть пара песен, сейчас слова сброшу в чат.

– Но здесь нет ни табов, не аккордов! – возмутилась Анька.

– Я знаю эту песню, и эту, – пролистывал Петр. – Аня, смотри, – продолжил он, показывая в телефоне. – Здесь по аккордам, am, dm, потом F и припев...

Ну я ведь не знал, что они не знают аккорды. И вообще, сами бы подготовили... Я ведь все это время дома старался, напевал.

– Петька, а ты сможешь вытянуть эти песни? – задумавшись, спросил Петр.

– Конечно! – ответил я уверенно, но, посмотрев на сомневающиеся лица ребят, тоже засомневался. – Ну, я дома репетировал...

– Вот это новости! Не ожидала! – удивилась Анька и как-то издевательски захлопала в ладоши.

– Перестань, он старался, – одернул ее Петр. – Ладно, ты молодец, посмотрим, что получится.

– Хорошо! – воодушевился я. – Тогда начнем рок! – закричал на весь переход. – Ехуууу!!!

Анька рассмеялась.

– Ладно, сыграем, – провел по струнам Петр.

Ребята заиграли песню, я попытался вступить, но пропустил начало. Попытался догнать, но не попадал в ноты. По-

чему-то все шло наперекосья, не так легко, как в первый раз.

– Воспринимай это как репетицию. Тогда не будешь так волноваться, – пытался поддержать Петр.

Анька уходила в задор и постоянно играла соло, в такие моменты Петр растерянно смотрел на нее – импровизацию на гитаре он со своей скрипкой поддержать не мог, возмущался. Мы сбивались с ритма и начали ругаться.

– Ребята, что это за галиматья? – подошел к нам мужик.

– Слышь, дядя, иди куда шел! – дерзко ответил я.

– Это не галиматья. Это рок! – вступилась Анька и тут же смутилась. – Ну, мы пытались...

– Это понятно, а почему не получается? Вроде вы умеете играть. Девушка вообще творит волшебство с гитарой.

– Да это просто они плохо играют, – воодушевилась Анька.

– Ну... этот парень хорошо играет на скрипке, я его часто здесь видел.

– Зато этот бездарь! – указала она на меня.

– Ну что вы так? Молодой человек хорошо поет, – любезно ответил мужик.

Было видно, что он не ведется на провокации Аньки. Зато я был готов прибить ее.

– Заткнись! – не выдержал я.

– Сам заткнись!

– Вы еще молоды, и у вас энергии хватит на целый стадион. Не тратьте ее на ругательства. Можно совет дам?

Мы вопросительно уставились на мужика.

– Я немного смыслю в музыке, но если после моих слов вы не сможете хорошо сыграть, то я больше не буду вмешиваться. Хорошо?

– Ну говори... – разрешил я.

Он подошел к Петру, что-то сказал ему на ухо, потом Аньке. Наконец-то он сказал и мне, но уже так, чтобы слышали все:

– А ты пой, а не кричи, тебе не надо петь громче музыки. А чтобы не сбиваться с их игры, отбивай рукой ритм.

Мужик довольный отошел назад и уставился на нас. Почему это остальным он шептал, а мне дал такой громкий совет? Будто я больше других косячил.

– Давайте попробуем, – предложил Петр.

– Ладно, хрен с ним. Сыграем! – решительно сказал я. – Все равно хуже уже не будет.

Ребята заиграли иначе. Они не спешили, пытались играть в унисон и не громко. Мне стало проще уловить ноты и вовремя вступить. Анька не сбивала ритм внезапным соло-выступлением.

Я запел, снова сбился, взял себя в руки. Пропустил несколько слов и вступил снова – стало лучше. Мы понемногу начали чувствовать друг друга и подстраиваться. Наконец все стало получаться, как и в тот день. Мы начали творить музыку. У нас снова появился запал. Пять песен, которые я подобрал, быстро закончились, и мы довольные собрались

в круг.

Этот мужик стоял и слушал нас, никуда не уходил и после выступления снова подошел к нам.

– У вас есть потенциал, если вы будете чаще репетировать.

– Спасибо! Я не знаю, что вы им сказали, но я стал лучше их понимать, мне не приходилось спешить, – радовался я.

– У нас наконец получилось! Даже Петька запел, – ткнула снова меня Анька.

– Молодцы. Но нужно больше репетировать, – сказал мужик.

– Но нам негде, – ответил Петр.

– Это плохо, – задумался мужик.

– Вы ведь Дмитрий Иванович? – продолжил Петр. – Я слышал о вас. Вы же были пианистом в известной группе.

– Ну, не в такой уж известной. Да и группы давно больше нет.

– Почему? – заинтересовалась Аня.

– Разошлись по личным обстоятельствам... Правда, сейчас я подумываю над тем, чтобы вернуться к музыке.

– Так давайте с нами? – предложила Анька.

– С вами? – задумался он.

– С нами? – в один голос переспросили мы с Петром.

– Да! А почему нет? – спросила Анька. – Нам нужен клавишник и барабанщик. А вы, Дмитрий Иванович, в теме.

– И в правду в теме, – рассмеялся он.

– Ну, нужно, чтобы все в группе были согласны, – нако-

нец-то я сообразил, что сказать.

– Мы уже группа? – удивилась Анька.

– Я не против, – промямлил Петр.

Иногда он меня убивает – такой тюфяк этот Петр! Видно же, что тоже не в восторге от идеи. А Анька тупила, не понимая, что этот мужик для нас – незнакомец. Как ему можно доверять?

– Нам нужно поговорить! – отозвал я их в сторону, и мы начали шептаться. – Мы не можем его взять к себе в группу, это безрассудство! – возразил я.

– Че это? Секунду назад ты сам сказал, что мы группа, – удивилась Анька.

– Он старше и опытнее нас, зачем мы ему? И я предлагал организовать группу, а не приглашать в нее стариков.

Они задумались и наконец-то включили голову.

– Ты прав... И что делать теперь? – задумался Петр.

– Мы скажем, что подумаем, и после откажем, – твердо сказал я.

– Но... – хотела возразить Анька, но от моего взгляда замолкла.

Мы подошли к нему.

– Мы решили, что нам стоит сначала подумать. Да и не столь мы опытные... – старался я подобрать слова.

– Это отлично! Пока вы разговаривали, я кое-что придумал. Во-первых! Я к вам в группу не просился, вы сами позвали. Во-вторых, я старше вас и опытнее, многому смогу

вас научить. В-третьих, у меня есть место для репетиций. – с каждым его словом я все больше мрачнел. Он прав. Неужели теперь мы не сможем от него избавиться? Дмитрий Иванович обвел нас взглядом и продолжил. – Но мне чертовски нравится, как вы играете, эта ваша... – Он задумался, подбирая слово. – Живость! Я чувствую, что мы создадим прекрасную группу! В вас есть талант. Поэтому я и не буду против играть с вами. А если ничего не получится, ну что ж...

Мы не знали, что ответить на его факты. Он намекнул, что мы всего лишь уличная шпана, и что он в этой недогруппе будет не только старшим, но и главным.

– Хорошо, мы подумаем, – ответила Анька и они обменялись телефонами. Дмитрий Иванович ушел. Мы тоже пошли по домам, по дороге обсуждая создание группы. Вроде такие мысли были у всех, но мы никогда об этом не говорили.

– Так мы правда теперь группа? – переспросил Петр.

– Конечно! Но только вы не дотягиваете до меня! – зловеще сказала Анька. – А я прирожденная рок-звезда!

– Ты? Ну конечно! – рассмеялся я, в ответ Аня толкнула меня. Но серьезно заговорил Петр, и мы перестали дурачиться.

– Группа – это сложно... Нужно постоянно репетировать, а нам негде. К тому же это требует ответственности, и нам еще нужны будут другие музыканты. В том числе пианист...

– И что ты предлагаешь? Взять того старпера? – пошутил я, но, увидев, что никто не возразил, продолжил: – Так

вы серьезно? Мы ведь и играть-то не умеем, не то что свою музыку писать. Для группы там это... много чего нужно... Петр прав, это слишком серьезно. Да и Анька права, среди нас только она рок-звезда. Ну, ты, Петя, тоже круто играешь. А я для вас балласт, обычный хулиган.

Ребята только переглянулись. Было видно, что они ничего не могут ответить.

– Извините, кажется, там моя мама. Уже домой ждут, – Аня ненадолго замешкалась, но все же оставила нас.

– Ты не прав. Ты сам выбираешь, кем быть, балластом и хулиганом или членом группы, – сказал, как-то по-взрослому Петр. – Мне тоже пора.

– Пока, умник! – ответил я.

Мне оставалось пройти несколько домов. Настроение было подавленным. Только сегодня, когда нам предложили создать группу, мы поняли всю серьезность и бессмысленность нашей игры в переходе. Ну да, можно заработать немного денег на карман, но по сути это далеко от настоящей музыки.

– Это кто? Петька Бой? – слышалось от турников.

– Эй! Давай к нам! – крикнул мне Ванька.

Местные турник-мены. Мне совершенно не хотелось с ними общаться. Среди них были и нормальные ребята, и совершенно отбитые Бык и Тимур – эти двое всегда пытались меня задеть. Драться не было настроения, так что я прошел мимо. Потом с ними разберусь.

Дома отца не оказалось, наверное, он опять был с той жен-

щиной. Это меня разозлило. Я разбросал вещи по комнате и включил музыку на полную громкость. Тут же стало тошно – все проблемы из-за музыки! Вырубил колонки и завалился на кровать, но спать не хотелось, мысли голодным червяком прогрызали голову изнутри. Я крутился на кровати, надел наушники и включил бой шаманских барабанов. Не знаю, сколько я так промучился, но все же уснул.

Утром я проснулся и по квартире разносился запах перегара. Мне стало тошно от самого себя. Снова я дома, снова. Похоже, отец сдался и опять напился. Вот моя жизнь, в ней привычнее, проще. И с чего я взял, что кто-то может измениться? Вчера и меня поставили на место. От кислого запаха мне стало легче, словно сняли с хлеба тошнотворный жирный слой масла.

Злясь на себя, за свои нелепые мечты, я решил прогулять школу и отправился напрямиком в подворотню, где обычно тушили мои старые кореша.

По дороге думал о словах Петра. «Ты сам выбираешь, кем быть». Легко говорить, когда у тебя счастливая семья с живыми, любящими родителями. У меня этого нет! Гребаный Шут этого не понимает? Может, стоит преподать ему урок, показать, какой жестокой бывает жизнь? Разобью ему лицо, пусть поймет, что всё не так уж просто.

С чего это он решил, что я нормальный? Что я его друг? Да и Анька не лучше – то спасает меня, то выставляет бездарным... И этот непонятный мужик, Дмитрий Иванович, заговорил о группе... Зачем мы ему? Зачем им я? Ведь я никто – обычный хулиган.

– Эй! Петька! Это ты? – окликнул меня слащавый Тимур. У него был четкий удар ногой. Мы с ним постоянно дрались за территорию.

Черт! Он был ещё и не один. Рядом с ним стоял его здоровый друг Бык.

– Тебе чего? – повернулся я к ним и стал мысленно оценивать свои шансы на победу. И они были, кстати. Прекрасная возможность выплеснуть всю боль.

– А ты что не в духе? Где твоя подружка с дудкой? – насмеялся Тимур.

– Зато ты от своей ни на шаг, – рассмеялся я и приготовился к пинку, если они накинута.

– Нам вообще-то твои пацаны сказали, что ты себе сучку завел, смазливового мальчика-музыканта, – басом сказал Бык и заржал.

– Ах ты!.. – Я было хотел ринуться, но помедлил – вспомнил Петра.

Какого хрена я решил за него вступаться? Меня тут сейчас унижить пытаются, причем из-за него. И мои пацаны походу уже отвернулись от меня. Я сжал кулаки.

– Что ты замялся? Или это ты его сучка?! – рассмеялся,

захлебываясь в слюне, Тимур.

Я должен был ринуться в драку и сломать ему нос за такие слова. Чтобы он залился кровью. Но я не мог пошевелиться. Меня парализовало незнакомое ранее чувство. Я попытался шевельнуться, но не мог. Даже рука не поднималась, словно тело не хотело драться. Мое нутро требовало прекратить это, оно хотело спокойствия.

– Да какого черта?! – закричал я. – Почему ты не хочешь драться?!

Но ответ пришел сам собой: «это бессмысленно». А вдруг и правда? Вспомнились руки тети Лены.

Краем глаза я видел, что пацаны переглянулись и потихоньку попятились в сторону. Почему? Я ведь был беззащитен. Почему они стушевались? Я смотрел на них и чувствовал, что тело напряжено до предела.

Вены торчали железными прутьями, мышцы каменные, безумный взгляд. Должно быть, таким они видели меня.

– Да ты ненормальный, – с опаской сказал Тимур.

Мне хотелось бросить все и ринуться на них, но тело не подчинялось. Отказывалось вступать в драку и перечеркивать все мои шаги к исправлению.

– Тогда мы отмудохаем твою подружку... – попытался восстановить превосходство Бык. Но, взглянув на Тимура, спросил: – Что не так? Смешно ведь.

На лице Тимура был страх.

Наконец я пришел в себя, сорвался с места и с вертушки

ударил Бычаре прямо в голову. Тот упал. Тимур попятился назад, но я с размахистыми ударами ринулся на него. Повалил его на снег, сел сверху и бил, бил, пока были силы. Я ничего не видел и не слышал его криков.

Меня столкнула женщина. Она размахивала сумкой, стогняя меня с Тимура.

– Прочь! Отстань от него! Убьешь ведь! Сейчас полицию позову!

Это отрезвило меня, я оглянулся по сторонам. Другие взрослые сторонились нас, притворяясь, будто ничего не видят. Женщина, испугавшись своей смелости, тут же отошла.

Я не знал, как успокоиться, в груди опять не хватало воздуха. Анька умела спасать меня в такие моменты... Я сжался, прижимая руку к груди, к глазам подступали слезы, но сдержался. Зачем я опять пришел сюда, к прошлой жизни? Ввязался в драку? Сдался и снова окунулся во все это дерьмо.

Я ринулся с места и бежал, как безумный. Во мне было столько энергии и буря чувств, я боялся, что она разорвет меня. Поэтому пытался выплеснуть хотя бы так – бегом.

Пробежав не один километр, я добрался до парка и обесиленный плюхнулся в снег. От злости бил руками в снег, закашливаясь от холодного воздуха и сбитого дыхания.

Какой же адский день. Что делать дальше? Я не мог ни думать, ни дышать. Огонь ненависти к себе сжигал меня изнутри. В голову пришла только одна идея – напиться, что-

бы забыться, как делал это отец. Я зашёл в местный магазин и купил водки. К счастью, я выглядел старше своего возраста. На крыльце магазина стал пить с горла.

Глоток за глотком убивал всякую надежду на спасение. Меня начало рвать, и все выпитое тут же выходило наружу, пока я перегибался через перила. Большая часть попала на меня. Вытерев рот и спустившись с лестницы, прошёл к деревьям. Я снова стал пить с горла! «Ведь отцу же помогает!» Но тело спортсмена не принимало этого яда.

И полученная доза снова вырвалась наружу, я блевал, уже стоя на коленях.

Мимо проходили прохожие и бросали осуждающие взгляды.

Очень сильно жгло горло. Включился животный инстинкт самосохранения. Все мысли о страдании и правильности ушли на второй план. Мне жгло горло, я пополз на корячках и жадно руками загребал снег. Жрал и жрал его, пока не дополз до черных больших ботинок.

Они возникли прямо перед моим носом, и я задрал голову вверх, в глазах все расплывалось. Кто стоял передо мной?

– Ты чё, сука, встал здесь?! – выругался я и даже попытался накинуться на фигуру. Но он меня оттолкнул в сторону, и я полетел в снег.

– Ах ты! – пытался я снова и снова напрыгнуть на него, но он постоянно меня отбрасывал.

Он толкал меня, а я падал, пытаюсь сопротивляться. Он

схватил меня за ворот и закричал.

– Успокойся! Остынь!

Но я не сдавался. Это было именно то, что мне нужно. Я кидался на него, размахивая руками. Но этот человек повалил меня и зажал коленом горло, я не мог больше шевелиться.

– Отпусти! Сейчас я встану! – кричал я, задыхаясь. Но я устал – от боли и от бессилия. – Я устал...

Почему, когда мир обрёл свет надежды на счастья и лучшую жизнь, я все бросил, сдался? Я продолжал материться и что-то бормотал, но этот мужчина сунул мне что-то под нос, и я вырубился.

Очнулся в незнакомом месте, на вонючем матрасе старой сетчатой койки. Огляделся. Комната с белыми стенами, окно с решеткой. На соседней койке спал какой-то мужик – храп с перегаром стоял ужасный. Я слышал о таких местах. Это не тюрьма, а вытрезвитель. Сюда отправляют пьяных на передержку, а потом дерут деньги за неудачную ночлежку.

Попытался вспомнить, что было и как я здесь очутился, но бошка очень сильно болела, и в горле пересохло. Пошел к двери, подергал ручку, но открыть не смог. Пришлось снова сесть на кровать. Вот это я попал. Если отец узнает, он меня прибьет.

За дверью лязгнула щеколда, и вошел мужик в белом халате.

– Здравствуй, Петька Бой, – сказал он, протянув бутылку с водой.

Вот же гад! За эту бутылку я был готов продать душу Дьяволу! Я схватил ее и пил огромными глотками, да так быстро, что глотке стало больно. Но главное, я смог утолить сушняк. После этого сел на кровать и сжал голову руками.

– Я в вырезвители? Что вам нужно от меня? Денег у меня нет...

– Ты в вырезвители, и твои деньги мне не нужны, хоть и услуги у нас платные, – ехидно сказал он, голос его был мне знаком. – За все заплатит твой отец.

– Вы ему уже сказали? – Я посмотрел на него.

– Извини, но мы обязаны были ему сообщить, ведь ты несовершеннолетний...

– Ты? – наконец понял я. Это был Дмитрий Иванович.

– Да, это я. Я здесь работаю.

– Капец...

– Все нормально, в твои годы я тоже любил покутить, но больше веселился, чем грустил. Да и я не ожидал, что ты заглушаешь печаль алкоголем, – задумчиво сказал он.

– Печаль? С чего ты решил?

– Ты был раздавлен. Кстати, перед отцом я тебя прикрыл. Сказал, что ты отравился, мол мы тебе промыли желудок и он может тебя забрать...

– Спасибо! – Я подскочил. – Но почему тогда здесь, а не в больнице?

– А ты не только хорошо поешь, но и быстро соображаешь, – оценивающе сказал Дмитрий Иванович. – Я сказал твоему отцу, что мы с тобой играем в одной группе. Что можно было бы отправить тебя и в больницу, но тут откачать было сподручнее.

– Что? – ошарашенный, я смотрел на него. – Что ты сделал?

– Сказал правду, что мы коллеги, играем вместе музыку, – продолжал веселиться он. – Твой отец удивился. Он не знал, что ты хорошо поешь.

– Это, спасибо, конечно... И он поверил? – пытался я подобрать слова, но в голове ничего не складывалось...

Из-за него отец теперь знал, что я пою, и про группу... Про какую, нафиг, группу? Мы с ребятами еще ничего не решили. Вряд ли они захотят со мной связываться после такого... Но даже если да, этого старого мужика мы к себе точно не возьмем.

– Похоже, ты еще не пришел в себя, – продолжал веселиться Дмитрий Иванович.

– Иваныч, можно так тебя называть? – Он кивнул. – Мы ведь с ребятами даже не группа, да и зачем мы тебе?

– В вас есть молодость и энергия! – Он хлопнул в ладоши. – Мне нравится – Иваныч! Мы, коллеги, должны помогать друг другу.

– А ты странный... – задумчиво сказал я, понимая, что теперь должен ему.

– Зачем мне играть с вами, я объясню потом, на репетиции... Пока могу сказать только, что любви покорна и юность, и старость. А тебе сейчас нужно поговорить с отцом. Он уже приехал и ждет разрешения войти.

– Стой... – от страха у меня сжало виски. Но я понимал, что разговора не избежать.

– Петь, знаешь... есть такое понятие как вера, а есть знание, – начал по-отечески Иваныч и сел рядом на койку.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты веришь, что отец будет ругаться. А я знаю, что нет.

Я удивленно посмотрел на него.

– Я ведь уже сказал, что говорил с ним. Он переживает за тебя.

– Откуда ты знаешь?

– Он сам сказал. Это мое знание против твоей веры.

– Иваныч, что-то ты меня совсем запутал... – Я ни фига не понимал.

– Смотри, когда ты точно знаешь, верить тебе незачем, ты знаешь, и никто тебя не смутит. А когда ты веришь, тебя можно обмануть.

– Ага... Только к чему это все?

– Да так, просто хотел поумничать, – пожал Иваныч плечами. – Но раз уже начал, то договорю... – оживился он. – Я вычитал это у Клейменова, писателя, в интервью. Он приво-

дил пример про Адама и Еву. Что когда они вкусили запретный плод, то получили знания. Но Бог от них хотел только одного – веры... Просто веры. Они познали все, и Бог перестал быть их верой – Он стал их знанием. Догма, факт. И потому их изгнали... А самое главное, что им не было смысла просить прощения, они и так знали, что будут прощены. Таким образом у людей появился выбор.

Дмитрий Иванович сидел довольный, как ребенок, даже слегка мотал ногами.

– Как мне это поможет сейчас? – недоумевая спросил я.

– Не знаю, сделай свой выбор, да и все... – Он встал и хлопнул меня по плечу.

Я замер в недоумении. Почему он решил играть у нас в группе? Зачем мне помогает? Но больше всего я не понимал, к чему рассказал про Адама и Еву. Все-таки Иванович был странный. А, впрочем, это было не важно, мне нужно было увидеться с отцом. Я глубоко вдохнул, расслабился и был готов. Мне даже не нужно было просить у него прощения. За что? Он сам вчера сорвался, а я просто последовал его примеру.

– Что сидишь? Пойдем на выход. Или тебе у нас понравилось? Хочешь задержаться? – в дверях спросил Дмитрий Иванович.

В коридоре нас встретил мой отец. Он ничего не сказал, просто обнял меня и прижал к груди. Похоже, он все же любит меня.

По дороге домой он мне рассказал, что выпил вчера, поскольку был на дне рождения вместе с Ниной. И тут до меня дошло, что я поторопился с выводами. Если бы не решил, что он сорвался, то и сам бы не пытался напиться. Может быть, так же и с группой? Я зря боюсь и надумываю, нужно просто попробовать?

Вечером перед сном я создал чат с названием «Группа» и добавил в него Аньку и Петра. Предложил попробовать сыграть с Дмитрием Ивановичем. Они сразу откликнулись, Петр написал: «Согласен», а Анька отправила подмигивающий смайлик. После мы решили, что встретимся через пару дней.

Дух времени 6

Дмитрий Иванович пригласил нас к себе. Он согласился поговорить и сразу захотел показать место для репетиций. Мы встретились с ребятами после школы на крыльце.

– Анька, а где он живет? – вместо приветствия спросил я.

– Тут недалеко, но на отшибе. Я глянула по карте. Какой-то старый ветхий дом, который пытались снести год назад, но жильцы были против...

– Что-то смутно припоминаю... вроде в новостях про это писали, – задумался я.

– Этот дом еще пытались признать, как историческую ценность, но у них ничего не вышло, – объяснил Петр. – У меня отец работает в строительной фирме, которая пыталась там построить торговый центр.

– На отшибе? – удивился я.

– Типа земля там дешевле и места много, у нас ведь город маленький, – сказал Петр.

– Давайте по дороге все обсудим. А то опоздаем, – поторопила Анька.

– Что вы думаете насчет Дмитрия Ивановича? – начал я сразу без предисловий. «Он странный», – хотел было продолжить, но остановился. Не стоит ребятам знать о том, что на днях я сдался.

– Скорее старый, – засмеялась Анька, и я вместе с ней.

– Я навел о нем справки, учителя рассказали, что он чуть ли не гений в игре на пианино, – восхищенно сказал Петр.

– Так вот я и не понимаю, зачем ему мы? – удивился я.

– Я ведь говорю, он старый! – выкрикнула Анька.

– Что ты этим хочешь сказать? – поинтересовался я, понимая, что она не просто дурачится.

– Чтобы играть в группе, нужно быть молодым. В состоявшиеся группы его уже вряд ли возьмут. Но если он вступит в молодую группу, то он сможет достичь высот. Если, конечно, сделает правильную ставку, – сказала Анька.

– Правильную ставку? – уточнил Петр.

– Да. Музыкальный бизнес – это почти как игра в казино. Даже если ты умеешь петь или играть, то далеко не факт, что ты добьешься успеха. Вы не хуже меня знаете, что сейчас есть звезды, которые вообще не умеют петь, но их люди слушают, – Анька была серьезна.

– Даже если и так, это не объясняет, почему он выбрал нас, – не унимался я.

– Наверное, этого даже он не знает, – сказала Анька, пожав плечами.

– Думаю, он знает, – предположил я, вспомнив наш разговор в вытрезвителе.

Мы остановились возле подъезда, переглянулись с Анькой. Я чувствовал, что она ищет моей поддержки, ей было страшно.

– Дмитрий Иванович уже ждет, пойдёмте, – открывая убитую деревянную дверь подъезда, сказал Петр.

Дом был из красного старого кирпича. И вправду, было ощущение, что дом скоро рухнет. Я глянул на Аньку. Она слегка улыбнулась. Похоже, сегодня у нее было не ворчливое настроение.

– Пойдем скорее. Ты же рокер, а они ничего не боятся! – подбодрил я.

Но, войдя в подъезд, мы чуть не попадали. Внутри было ещё хуже, кривые деревянные ступеньки и обшарпанные стены. Жуткая атмосфера. С другой стороны, обычно в таких местах и рождались культовые группы.

– На какой нам этаж? – спросил я.

– Ты даже простой информации запомнить не можешь? – возмутилась Анька.

– На первый, – ответил Петр и остановился у коричневой железной двери.

– Фильм ужасов прям! – нервничала Аня.

Я ликовал. Она, оказывается, та еще трусишка!

– Ну, стучите! – Я шел сзади. Эти двое только переглянулись. – Да е мое! – растолкал их и громко застучал кулаком в дверь.

Через секунду, послышался скрежет замков и засова. На пороге стоял Дмитрий Иванович в халате, накинутом поверх футболки и в трико, с кружкой кофе в руках.

– У меня тут немного прохладно. Заходите, чувствуете

себя как дома!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.